

Que j'aime le premier frisson d'hiver! le chaume
Sous le pied du chasseur refusant de ployer!
Quand vient la pie aux champs que le foint vert embaume,
Au fond du vieux château s'éveille le foyer...

(Р. 99)

(«Как я люблю первую зимнюю стужу, / Когда солома под ногой охотника не желает гнуться! / Сорока прилетела в поле, где еще пахнет скошенной травой, / А в старом замке разожгли огонь в камине»).

Но поэт считает, что это «городское» время года, и возвращается в Париж: «Que j'aimais ce temps gris, ces passants et la Seine» («Как мне нравилось это серое время, эти прохожие и Сена») (р. 99).

Следует отметить, что в «Каменном госте» Мадриду, где «недвижим теплый воздух», а «ночь лимоном и лавром пахнет» противопоставлен далекий северный Париж (Акад. Т. 7. С. 148). В определенном смысле то же настроение слышится и в этом болдинском стихотворении:

Когда порой воспоминанье
Грызет мне сердце в тишине
.....
Тогда, забывшись, я лечу
Не в светлый край, где небо блещет
Неизъяснимой синевой,
Где море теплою волной
На пожелтый мрамор плещет,
И лавр, и темный кипарис
На воле пышно разрослись
.....
Стремлюсь привычную мечтою
К студеным северным волнам
(Акад. Т. 3. С. 243)

В настоящей статье почти не отмечено влияние поэмы Мюссе «Мардош» на «Домик в Коломне» — этот сюжет обстоятельно раскрыт в книге Л. И. Вольперт⁹.

«Книжечка» «Сказок» «молодого поэта» Мюссе оказалась необычайно созвучна пушкинским настроениям и влечениям — в «молодом проказнике» он увидел единомышленника. А найти единомышленника — это всегда хорошо.

⁹ Вольперт Л. И. Пушкин в роли Пушкина. М., 1998. С. 190–199.

С. А. Фомичев

Два шедевра поздней пушкинской прозы («Вольтер» и «Джон Теннер»)

Первым завершённым опытом пушкинской прозы (что редко принимается во внимание) стали уничтоженные в ожидании жандармского обыска автобиографические записки (1821–1825), которые и определили на будущее его повествовательный стиль. В них Пушкин ориентировался на мемуары, утвердившиеся во французской литературе XVIII–XIX вв. и обнаружившие вовлеченность частного человека в исторические события¹.

Первое же его опубликованное прозаическое произведение, «Повести Белкина», содержит якобы воспоминания бывалых людей о поразивших их воображение житейских случаях. Исторический материал, однако, в них совершенно ничтожен, что обозначено уже эпиграфом из «Недоросля», предпосланным повестям: «Г-жа Простакова: То, мой батюшка, он еще сызмала к историям охотник. Скотинин: Митрофан по мне». Нельзя не заметить, что эпохальные события (пожар Москвы, окончание войны с Наполеоном, битва при Скулянах) в белкинских «побасенках» время от времени все же упоминаются — но всегда на периферии сюжетов, с большой историей если и соприкасающихся, то совершенно случайно, но тем не менее внятно вмонтированных в историческую раму. Отсутствие «серьезного» содержания сообщает повестям черты своеобразной пародийности², подобно другому «белкинскому» опусу, «Истории села Горюхина».

Документализм поздней прозы Пушкина не в последнюю очередь определялся статусом журнала «Современник», который находился под особым надзором цензуры. Приходилось поневоле стилизовать наиболее острые политические материалы под документальную хронику. Но это отвечало, в свою очередь, давно намеченным пушкинским поискам в русле «новой прозы», которая если и не порывала с художественным вымыслом, то существенно его ограничивала, а точнее, выявляла художественное качество документа, чужого слова вообще. В этом ключе

¹ Подробнее об этом см.: Фомичев С. А. Проза Пушкина (Начальный этап и перспективы эволюции) // Врем. ПК. Л., 1987. Вып. 21. С. 5–15.

² Это почувствовал, в частности, Е. А. Баратынский, который, по свидетельству Пушкина, «ржал и бился», читая «Повести Белкина» (см. письмо Пушкина П. А. Плетневу от 9 декабря 1830 г. — Акад. Т. 14. С. 133).

еще до издания собственного журнала Пушкиным были написаны повесть «Кирджали» (1833) и «Путешествие из Москвы в Петербург» (1834). Журнальные занятия лишь активизировали намеченную ранее тенденцию. В жанрах документальной прозы Пушкин успел опубликовать на страницах «Современника» лишь статьи «Вольтер» и «Джон Теннер». Кроме того, были написаны «Записки бригадира Моро-де-Бразе», «Последний из свойственников Иоанны д'Арк» и почти завершена статья «О Мильтоне и Шатобриановом переводе "Потерянного рая"», а также начата работа над романом в письмах «Марья Шонинг» и заметками по материалам «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова и «Слова о полку Игореве».

Нельзя не признать, что в пушкиноведческой литературе эти произведения интереса исследователей обычно не вызывают — по молчаливому признанию их вторичными, малосущественными. Но именно в них, на наш взгляд, обнаруживаются новые тенденции пушкинского творчества, которые лишь в новейшее время приобрели особую актуальность для мировой литературы.

1

Откликаясь на «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева, 19 октября 1836 г. Пушкин писал: «Поспорив с вами, я должен вам сказать, что многое в вашем послании глубоко верно. Действительно, нужно сознаться, что наша общественная жизнь — грустная вещь, что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, справедливости и истине, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству — поистине могут привести в отчаяние. Вы хорошо сделали, что сказали это громко. <...> Читали ли вы 3 № «Современника»? статья «Вольтер» и «Джон Теннер» мои...» (Акад. Т. 16. С. 172–173, 393; оригинал по-франц.).

Упоминание Пушкиным своих статей в контексте обсуждения общероссийских проблем, видимо, не было случайным.

Только внешне статья «Вольтер» выглядела как обычный журнальный отклик на только что вышедшую в Париже книгу «Correspondance inédite de Volter avec Frédéric II, le President de Brosses et autres personnages, publiée d'après les lettres autographes, avec des notes, par Th. Foisset» (Paris, 1836)³.

³ См. в «Хронике русского» А. И. Тургенева: «Начал читать на днях вышедшую "Correspondance inédite de Volter avec Frédéric II, le Président de Brosses etc. etc." Не хочется оторваться; но для милого дружка чего не оторвешь от себя, кроме сердца и того, что в нем есть неотрывного» (Совр. 1836. Т. 4. С. 243; *Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825—1826 гг.)*. М.; Л., 1964. С. 87). Книга с перепиской Вольтера сохранилась в библиотеке Пушкина (см.: *Модзалевский Б. Л. Библиотека Пушкина: (Библиогр. описание)*. СПб., 1910. С. 360. № 1490) с надписью

В журнале название книги было дано неточно («Correspondance inédite de Voltaire avec le président de Brosses, etc.»), — как выясняется, отнюдь не по недосмотру издателя. Парижская новинка представлялась читателям так:

«Недавно издана в Париже переписка Вольтера с президентом де Броссом. Она касается покупки земли, совершенной Вольтером в 1758 году.

Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства. Мы с любопытством рассматриваем автографы, хотя бы они были не что иное, как отрывок из расходной тетради или записка к портному об отсрочке платежа. Нас невольно поражает мысль, что рука, начертавшая эти смиренные цифры, эти незначащие слова, тем же самым почерком и, может быть, тем же самым пером написала и великие творения, предмет наших изучений и восторгов. Но, кажется, одному Вольтеру предоставлено было составить из деловой переписки о покупке земли книгу, на каждой странице заставляющую нас смеяться, и передать сделкам и купчим всю заманчивость остроумного памфлета» (Акад. Т. 12. С. 75).

Уже в этом наблюдении просматривается нечто личное, пушкинское. Вспомним, что в 1836 г. Пушкин мечтал переселиться из столицы в деревню, был занят хлопотами по введению во владение оставшегося после смерти матери сельца Михайловское и подумывал о приобретении деревни Савкино, близ Тригорского. Лето 1836 г., когда готовился третий том «Современника», было едва ли не самым сложным периодом материальных затруднений поэта, когда он то и дело влезал в новые долги, чтобы отчасти расплатиться с прежними. Так что «записка портному об отсрочке платежа» — это, конечно же, его, а не вольтеровская забота. Работая с библиотекой Вольтера, хранившейся в те годы в Эрмитаже⁴, Пушкин, наверное, не мог не обратить внимания на математические расчеты, содержащиеся в вольтеровских манускриптах и отражавшие занятия французского писателя точными науками⁵. Иные, «смиренные цифры» (подсчеты долгов и расходов) постоянно прорывались на страницы пушкинских черновиков: в августе 1836 г., делая в тетради ПД 841 (л. 96) запись о

А. И. Тургенева: «К<нязю> Вяземскому» (он-то — «милый дружок» — и имелся Тургеневым в виду).

⁴ См.: *Якубович Д. П.* Пушкин в библиотеке Вольтера // ЛН. М., 1934. Т. 16/18. Об истории восприятия Пушкиным творчества Вольтера см.: *Заборов П. Р.* Русская литература и Вольтер. Л., 1978. С. 174–180. См. также: *Сайтанов В. А.* Прощание с царем // Врем. ПК. Л., 1986. Вып. 20. С. 40–43.

⁵ См. об этом: *Люблинский В. С.* Неизвестный автограф Вольтера в бумагах Пушкина // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Т. 2. С. 263.

самых срочных долгах (общей суммой в 45 тысяч), он помечал, в частности, и долг портному Ручу в 500 руб.⁶

Из обширной переписки, изданной Т. Фуасе, в пушкинской статье о Вольтере сначала прослеживается сюжет, касающийся попытки фернейского мудреца приобрести у президента де Бросса местечко Турне близ границы Швейцарии. Это случилось во время очередного гонения, обрушившегося на Вольтера, когда он вынужден был бежать из Берлина, где до того находился под покровительством Фридриха II. «Слава не спасала его от беспокойств. Личная свобода его была не безопасна <...>. Он хотел на всякий случай помириться с своим отечеством и желал (пишет он сам) иметь одну ногу в монархии, другую в республике — дабы перешагивать туда и сюда, смотря по обстоятельствам» (Акад. Т. 12. С. 75–76).

Предоставляя слово (путем цитации переписки) то одному, то другому остроумцу, Пушкин, по сути дела, создает самостоятельное произведение с парадоксальным финалом, рисуя поражение признанного властителя дум от его противника, который оказался гораздо более ловким в имущественных делах.

Жанр этого произведения сближен с литературными анекдотами, которые издавна интересовали Пушкина⁷ и составили его особое собрание под названием «Table-Talk». В третьем томе «Современника» были напечатаны одиннадцать из них.

В «Энциклопедическом лексиконе» А. А. Плюшара значится: «Анекдот (от греч. слов “А” не и “сdots” изданный) 1) краткий рассказ какого-нибудь происшествия, замечательного по своей необычности, новости или неожиданности, и проч.; 2) любопытная черта в характере или жизни известного лица и 3) случай, подавший повод к остроумному замечанию или изречению»⁸.

Рассказ о том, как де Бросс, в конечном счете, обьегорил премудрого философа, совмещал, по сути дела, все три значения этого слова. Однако

⁶ См.: Рукою П. 1997. С. 353–356. Перечень счетов, предъявленных Пушкину от портных и из модных лавок, опубликован: Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., 1933. Т. 1. С. 49–59. Только за головные уборы Натальи Николаевны в 1836 г. долг составлял свыше 400 руб.

⁷ «Пушкин, — справедливо замечает Л. П. Гроссман, — широко принял в свою поэтику этот краткий повествовательный вид в его наиболее распространенном и сохранившемся донныне понимании, т. е. как шутливый, веселый и остроумный рассказ, бегло и сжато передающий игривый или курьезный эпизод» (Гроссман Л. П. Искусство анекдота у Пушкина // Гроссман Л. П. Этюды о Пушкине. М.; Пг., 1923. С. 47).

⁸ Энциклопедический лексикон. СПб., 1835. Т. 2. С. 303 (статья А. В. Никитенко).

при этом было нарушено сущностное его определение: ведь анекдот (не говоря уже о его лапидарности) если и записывался кем-либо, то вовсе не сочинялся им. Пушкин же почерпнул свое произведение не из молвы, а выстроил его сам, пользуясь документальным источником.

Но заочное общение двух остроумцев строится именно по законам анекдота. «Возникающая ситуация *не диалога*, — справедливо отмечает Е. Курганов, — и есть эстетический нерв анекдота, то, ради чего, собственно, он и рассказывается. Главное тут заключается не в комизме, не в смехе, а в энергии удара, в столкновении разных конструктивных элементов, в сцеплении принципиально не совпадающих миропониманий. Достоверное, убедительное соединение несоединимого и объясняет характер острия анекдота. Вообще жанр в целом представляет собой психологический эксперимент, моделирование неожиданной, трудно представимой ситуации, но при этом обязательным является условие, что ее нужно показать именно как реальную и даже совершенно обычную, чтобы не было ничего похожего на искусственное, эклектическое соединение разных психологических структур»⁹.

«Соединение несоединимого» в литературном анекдоте обычно достигается амальгамой бытового, обыденного колорита в рассказе о случае из жизни исторического деятеля, которого привыкли воспринимать с позиций строго регламентированного официоза или незыблемого, казалось бы, этикета. Особенно выразителен, с этой точки зрения, один из одиннадцати анекдотов, напечатанных Пушкиным в третьем томе «Современника»: «На Потемкина часто находила хандра. Он по целым суткам сидел один, никого к себе не пуская, в совершенном бездействии. Однажды, когда был он в таком состоянии, множество накопилось бумаг, требовавших немедленного его разрешения; но никто не смел к нему войти с докладом. Молодой чиновник, по имени Петушков, подслушав толки, вызвался представить нужные бумаги князю для подписи. Ему поручили их с охотою и с нетерпением ожидали, что из этого будет. Петушков с бумагами вошел прямо в кабинет. Потемкин сидел в халате, босой, нечесанный, грызя ногти в задумчивости. Петушков смело объяснил ему, в чем дело, и положил перед ним бумаги. Потемкин молча взял перо и подписал их одну за другою. Петушков поклонился и вышел в переднюю с торжественным лицом: “Подписал!..” Все к нему кинулись, глядят: все бумаги в самом деле подписаны. Петушкова поздравляют: “Молодец! Нечего сказать”. Но кто-то всматривается в подпись — и что же? на всех бумагах вместо: князь Потемкин — подписано: *Петушков, Петушков, Петушков...*» (Акад. Т. 12. С. 170–171).

⁹ Курганов Е. Литературный анекдот Пушкинской эпохи. Helsinki, 1995. С. 19. См. также: Литературные предания XVIII столетия: Сб. анекдотов о русских писателях XVIII века / Сост. Н. П. Морозова. Череповец, 1994.

Тот же «механизм», по сути дела, мы обнаруживаем и в расправе Вольтера и де Бросса:

«Срубленные деревья осердили нетерпеливого Вольтера¹⁰; он поссорился с президентом, не менее его раздражительным. Надобно видеть, что такое гнев Вольтера! Он уже смотрит на де Бросса, как на врага, как на Фрерона, как на великого инквизитора. Он собирается его погубить: “qu’il tremble! — восклицает он в бешенстве. — Il ne s’agit pas de le rendre ridicule: il s’agit de le déshonorer!”¹¹ Он жалуется, он плачет, он скрежещет... а все дело в двухстах франках. Де Бросс, с своей стороны, не хочет уступить вспыльчивому философу <...> и окончивает письмо желанием Ювенала:

*Mens sana in corpore sano*¹²».

(Акад. Т. 12. С. 77–78)

Исчерпав анекдотическую ситуацию, обещанную читателю в начале статьи, Пушкин здесь, казалось бы, и должен был остановиться.

Но забавный случай для него, пожалуй, не более чем затравка, чтобы сообщить читателю анекдот куда более невеселый. Недаром в журнальной статье было как бы между прочим, но с самого начала упомянуто о превратностях взаимоотношений фернейского философа с прежним своим учеником, Северным Соломоном¹³. В эпилоге же своей статьи редактор «Современника» рассказывал, как, вступив — сначала по досадной неосторожности, а потом по природной запальчивости — в печатную полемику (впрочем, на невинную литературную тему) с прусским королем, философ был ошельмован, лишен звания камергера и выгнан из Пруссии после нескольких дней ареста.

Соблюдая необходимую противозензурную «деликатность», Пушкин отмечает в данном случае только «вину» Вольтера: «Что влекло его в Берлин? Зачем ему было променивать свою независимость на свое-

нравные милости государя, ему чужого, не имевшего никакого права его к тому принудить?..» (Акад. Т. 12. С. 80).

Но по сути в изложенной истории прежний «ученик» философа сыграл едва ли не более неприглядную роль.

Как бы увлеченно ни читал Пушкин всю вновь опубликованную переписку Вольтера¹⁴, едва ли можно сомневаться, что столкновение фернейского мудреца с коронованной особой в наибольшей степени его заинтересовало. Двусмысленные взаимоотношения с царем, на службе у которого числился Пушкин, в ту пору камнем висели у него на шее. Уже, как и Вольтера, его обрядили в шутовской придворный (камер-юнкерский) мундир. А что ждало его дальше?

Ради второго анекдота, вероятно, и было прежде всего написано произведение, итоговый абзац которого звучал как личное откровение: «Что из этого заключить? что гений имеет свои слабости, которые утешают посредственность, но печалат благородные сердца, напоминая им о несовершенстве человечества; что настоящее место писателя есть его ученый кабинет и что, наконец, независимость и самоуважение одни могут нас возвысить над мелочами жизни и над бурями судьбы» (Акад. Т. 12. С. 81).

Стоило ли привлекать внимание читателей журнала к не очень благовидному эпизоду из жизни великого человека? На этот вопрос — для себя, по крайней мере, — Пушкин ответил десять лет назад, откликаясь на известие о пропаже мемуаров Байрона: «Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости, она в восхищении. *Он мал, как мы, он мерзок, как мы!* Врете, подлости: он мал и мерзок — не так, как вы, — иначе» (Акад. Т. 13. С. 243–244).

Осваивая новый литературный жанр (жанр документальной новеллы-анекдота), Пушкин поднимает проблему особой сложности частной жизни исторического деятеля. Жизнь каждого человека — это прежде всего рутинный быт. При этом, несмотря на свой высокий общественный статус, гений зачастую оказывается не защищенным ни от власти, ни от молвы. Есть особая услада для посредственности в его унижении.

Тем самым «низкий» жанр приобретал полные «права гражданства». О той же проблеме, по сути дела, идет речь в начатой несколько позже для своего журнала статье «О Мильтоне и о Шатобриановом переводе “Потерянного рая”», а также в стихотворении «Полководец», напечатанном в третьем томе «Современника»:

¹⁴ Вся книга, сохранившаяся в составе пушкинской библиотеки, была прочитана.

¹⁰ «Причиной ссоры были несколько кубометров дров, которые де Бросс еще до продажи Турне продал торговцу Шарло Боди. Вольтер использовал часть этих дров, не вывезенных с территории поместья, а когда де Бросс потребовал за них денег, стал доказывать, что они принадлежат ему, Вольтеру. Тяжба продолжалась около года, и в результате Вольтер с согласия президента вручил требуемую сумму приходскому священнику на нужды бедняков» (Современник, литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. Приложение к факсимильному изданию. М., 1987. С. 157, коммент. М. И. Гиллельсона и В. А. Мильчиной).

¹¹ Пусть он трепещет!.. Дело идет не о том, чтобы его высмеять, а о том, чтобы его обесчестить! (франц.)

¹² Здравому уму в здоровом теле (лат.).

¹³ «Так назвал Вольтер Фридрика II в хвалебных своих посланиях». — *Примеч. Пушкина.*

О люди! Жалкий род, достойный слез и смеха!
Жрецы минутного, поклонники успеха!
Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
И чей высокий лик в грядущем поколенье
Поэта приведет в восторг и в умиление!
(Акад. Т. 3. С. 380)

2

В черновике пушкинского письма к Чаадаеву говорилось: «Вот уже 140 лет как *Табель о рангах* сметает дворянство; и нынешний император первый воздвиг плотину (очень слабую еще) против наводнения демократией, худшей, чем в Америке (читали <ли Вы> Токвиля? Я еще под горячим впечатлением от его книги и совсем напуган ею)» (Акад. Т. 16. С. 260–261, 421; оригинал по-франц.).

О французском социологе Алексисе де Токвиле Пушкин узнал, вероятно, также из «Хроники русского» А. И. Тургенева, опубликованной в первом томе «Современника», где, в частности, отмечено: «...провел вечер в чтении Токевиля о *демократии* (в Америке). Талейран называет его книгу умнейшею и примечательнейшею книгою нашего времени; а он знает и Америку и сам аристократ, так, как и Токевиль, которого все связи с Сен-Жерменским предместьем»¹⁵.

2 июля 1836 г. во французском книжном магазине Беллизара Пушкин приобрел книгу Токвиля¹⁶. Знакомясь с главой «Современное состояние и возможное будущее индейских племен, живущих на территории Союза», он встретил имя Джона Теннера:

«Тэннер — европеец, который в шестилетнем возрасте был похищен индейцами и жил с ними в лесах в течение тридцати лет. Нет ничего более ужасного, чем страдания, которые он описывает. Он рассказывает о племенах, не имеющих вождей, о семьях, не имеющих соплеменников, о людях, живущих в одиночку, — словом, о жалких остатках могущественных племен, которые без всякой цели бродят по пустынным снежным просторам Канады. Их преследуют голод и холод, каждый день грозит им смертью. Нравы и традиции потеряли над ними прежнее влияние и власть, и они все больше дичают. Тэннер делил с ними все их лишения; он знал о своем европейском происхождении, никто не удерживал его силой вдали от белых. Напротив, каждый год он приходил торговать с ними, бывал в их домах, видел их достаток. Он знал, что если когда-нибудь он захочет вернуться к цивилизованной жизни, то

легко сможет это сделать. И тем не менее тридцать лет он прожил в пустыне. Вернувшись, наконец, в цивилизованное общество, он признавался, что описанная им полная несчастий жизнь имеет для него необъяснимую тайную прелесть. Уже порвав с ней, он постоянно к ней возвращается и с большими сожалениями расстается с ее невзгодами. Когда же он окончательно поселился среди белых, то многие из его детей не захотели разделить его спокойную и зажиточную жизнь.

Я сам встречал Тэннера у устья озера Верхнее. Мне показалось, что он больше похож на дикаря, чем на цивилизованного человека.

Книга Тэннера не отличается ни последовательностью, ни вкусом, однако автор невольно дает в ней яркую картину предрассудков, страстей, пороков и особенно лишений тех людей, среди которых он жил.

Виконт Эрнест де Блоссвиль <...> перевел «Воспоминания» Тэннера. Господин де Блоссвиль дополнил свой перевод очень интересными примечаниями, которые позволят читателю сравнить факты, описываемые Тэннером, с теми, о которых рассказывают многие наблюдатели прошлого и настоящего. Тот, кто хочет ознакомиться с нынешним состоянием индейской расы и представить себе ее будущее, должен обратиться к работе господина де Блоссвиля»¹⁷.

29 августа Пушкин купил и только что вышедшие в Париже «Мемуары Джона Теннера, или Тридцать лет в пустынях Северной Америки» во французском переводе де Блоссвиля¹⁸ и сразу же приступил к их чтению, торопясь подготовить статью для третьего тома «Современника».

«Один из друзей, — свидетельствовал П. В. Анненков, — посетив его в воскресенье, застал его за статьей *Джон Теннер*. Поэт работал над ней уже целое утро и, встречая приятеля, сказал ему, потягиваясь, полушутливо, полугрустно: «Плохое наше ремесло, братец. Для всякого человека есть праздник, а для журналиста — никогда»¹⁹.

Вероятно, это произошло 30 августа, в день Святого Александра Невского и день тезоименитства цесаревича, когда Пушкины были приглашены в Елагин дворец, но туда не поехали²⁰.

Название, данное книге Блоссвилем, было не вполне точным. Впервые книга была издана в 1830 г. в Нью-Йорке под заглавием «Рассказ (A Narrative) о похищении и приключениях Джона Теннера (переводчика на службе США в Со-Сент-Мари) в течение тридцатилетнего

¹⁷ Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 1992. С. 247.

¹⁸ Летопись 1999. Т. 4. С. 493.

¹⁹ Анненков П. В. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина // Пушкин А. С. Соч. СПб., 1855. Т. 1. С. 421.

²⁰ Летопись 1999. Т. 4. С. 493.

¹⁵ Совр. 1836. Т. 1. С. 273; Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825–1826 гг.). С. 73.

¹⁶ Летопись 1999. Т. 4. С. 470.

пребывания среди индейцев Северной Америки. Подготовлено к печати Эдвином Джемсом, издателем отчета об экспедиции майора Лонга от Питтсбурга до Скалистых гор». Французский переводчик, дополнив книгу своими примечаниями, опустил, однако, «Введение д-ра Эвина Джемса к жизнеописанию Теннера». Оно было посвящено в основном сочувственному описанию современного бедственного положения индейцев, во многом совпадающему с мыслями Токвиля на этот счет. Но здесь содержались и некоторые важные сведения о самом Джоне Теннере и его воспоминаниях, которые Пушкину отчасти остались неизвестными²¹.

«Джону Теннеру <...>, — свидетельствовал Э. Джемс, — теперь около 50 лет. Он крепкого телосложения, держится прямо. В нем чувствуется большая физическая сила, выносливость, энергия, но перенесенные тяжелые испытания и лишения не прошли для него бесследно. Некогда привлекательные черты лица носят отпечаток раздумья, страстей, приближающейся старости. Живой, пронизывающий взгляд голубых глаз выдает суровый, непреклонный и пылкий характер, заставлявший трепетать от страха многих индейцев, когда Теннер жил среди них. Покорность и уступчивость, которые он вынужден теперь проявлять, находясь в зависимом положении среди белых людей, претят его характеру. <...>

Стремлением помочь этому несчастному человеку, найти общий язык со своими соотечественниками и продиктовано решение передать историю жизни Теннера по возможности его собственными словами. Сам рассказчик отнюдь не лишен того своеобразного красноречия, которое свойственно индейцам. Но так как это красноречие проявляется скорее в жестах, интонациях и мимике, чем в словах и фразах, то стиль повествования Теннера самый безыскусный. <...> Следует особенно подчеркнуть, что вся история передана так, как она была рассказана, то есть она создавалась без наводящих вопросов, подсказываний, указаний. Единственная просьба, с которой обращались к рассказчику, это ничего не утаивать. Все замечания, касающиеся характера или поведения людей в стране индейцев или в пограничных районах, а также наблюдения над условиями жизни индейцев принадлежат исключительно Теннеру. При этом допущена лишь одна вольность: сокращены или совсем опущены некоторые подробности охотничьих приключений, воспоминаний о походах и других событиях, не имеющих существенного значения в жизни индейцев, но на которых за отсутствием другой духовной жизни они очень любят подробно останавливаться во время своих долгих бесед. Возможно, некоторым читателям рассказ

²¹ Некоторые факты, изложенные Джемсом, были повторены в предисловии французского переводчика.

показался бы еще занимательнее, если бы таких сокращений было больше...»²²

Таким образом, документальный материал, на основе которого Пушкин строит свое произведение, уже до него прошел некоторую литературную обработку. В сущности, исполняя пожелание Э. Джемса, Пушкин кратко излагает «длинную повесть о застреленных зверях, о метелях, о голодных, дальних шествиях, об охотниках, замерзших на пути, о скотских оргиях, о ссорах, о вражде, о жизни бедной и трудной, о нуждах, непонятных для чад образованных» (Акад. Т. 12. С. 110). Но вначале писатель откликается на трактат Токвиля.

«Постепенное установление равенства, — писал французский социолог, — есть предначертанная свыше неизбежность. Этот процесс отмечен следующими основными признаками: он носит всемирный, долговременный характер и с каждым днем все менее и менее зависит от воли людей; все события, как и все люди, способствуют его развитию. Благоразумно ли считать, что столь далеко зашедший социальный процесс может быть приостановлен усилиями одного поколения? Неужели кто-то полагает, что, уничтожив феодальную систему и победив королей, демократия отступит перед буржуазией и богачами? Остановится ли она теперь, когда она стала столь могучей, а ее противники столь слабы?»²³

«Представление о том, будто я намеревался написать панегирик, — замечал, однако, Токвиль, — ничем не обоснованное заблуждение; любой человек, который станет читать эту книгу, сможет полностью удостовериться, что ничего подобного у меня и в мыслях не было»²⁴.

И именно издержки демократии, представленные в трактате (при общем доброжелательном отношении его автора к американской политической системе), привлекли внимание Пушкина²⁵. Они обобщены им во введении к жизнеописанию Джона Теннера: «С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort); большинство, нагло притесняющее общество; рабство негров посреди образованности и

²² Рассказ о похищении и приключениях Джона Теннера... М., 1963. С. 25–27.

²³ Токвиль А. де. Демократия в Америке. С. 23.

²⁴ Там же. С. 34.

²⁵ См. детальное сопоставление текстов Пушкина, Токвиля и Блосвиля: *Shaw J.-Th. Pushkin on America and His Principal Sources «Jhon Tanner» // Shaw J.-Th. Collected Works: In 2 Vol. Los Angeles, 1995. Vol. 1: Pushkin: Poet and Man of Letters and His Prose. P. 231–259 (рус. пер. см.: Шоу Дж. Т. Пушкин об Америке: Статья «Джон Теннер» // ПИМ. СПб., 2003. Т. 16/ 17. С. 285–303).*

свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих робость и подобострастие; талант, из уважения к равенству, принужденный к добровольному остракизму; богач, надевающий оборванный кафтан, дабы на улице не оскорбить надменной нищеты, им втайне презираемой: такова картина Американских Штатов, недавно выставленная перед нами» (Акад. Т. 12. С. 104). Каждое из этих положений может быть подтверждено примерами, почерпнутыми в книге Токвиля.

В соотношении с данной перспективой и раскрывалась Пушкиным одна из составляющих американского исторического процесса: выдавливание индейских племен колонистами из родных мест и фактическое разращение и уничтожение аборигенов. Это было свежим словом в русской публицистике, которая издавна касалась лишь другой ужасной черты политической жизни заокеанской республики — рабства негров²⁶. «Отношения Штатов, — замечает Пушкин, — к индейским племенам, древним владельцам земли, ныне заселенной европейскими выходцами, подверглись также строгому разбору новых наблюдателей. Явная несправедливость, ябеда и бесчеловечие американского Конгресса осуждены с негодованием; так или иначе, чрез меч и огонь, или от рома и ябеды, или средствами более нравственными, но дикость должна исчезнуть при приближении цивилизации. Таков неизбежный закон. Остатки древних обитателей Америки скоро совершенно истребятся; и пространные степи, необозримые реки, на которых сетями и стрелами добывали они себе пищу, обратятся в обработанные поля, усеянные деревьями, и в торговые гавани, где задымятся пироскафы и разовьется флаг американский» (Акад. Т. 12. С. 104–105).

Отмечено, что эти строки восходят к трактату Токвиля, как и к предисловию Блоссуиля, предпосланному французскому изданию «Мемуаров Джона Теннера»²⁷. Но не менее важна их переключка и с эпилогом «Кавказского пленника»:

И смолкнул ярый крик войны,
Все русскому мечу подвластно.
Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла вас наша кровь,
Ни очарованные брони,
Ни горы, ни лихие кони,
Ни дикой вольности любовь!

²⁶ См.: *Старцев А. И.* Америка и русское общество. М., 1942.

²⁷ См.: *Шоу Дж. Т.* Пушкин об Америке: Статья «Джон Теннер». С. 292; *Алексеев М. П.* К статье Пушкина «Джон Теннер» // Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература. Л., 1987. С. 545–546.

Подобно племени Батыя,
Изменит прадедам Кавказ,
Забудет алчной брани глас,
Оставит стрелы боевые.
К ущельям, где гнездились вы,
Подъедет путник без боязни,
И возвестят о вашей казни
Преданья темные молвы.²⁸
(Акад. Т. 4. С. 114)

Тем самым новое произведение Пушкина, при всей его оригинальности, соотносилось с общим контекстом его творчества, в котором тема «искоренения дикости» была одной из генеральных. Однако принципиальное отличие «Джона Теннера» от «Кавказского пленника», «Цыган», «Тазита» заключается не столько в прозаической фактуре статьи, сколько в документализме, противопоставленном литературным штампам: «Нравы северо-американских дикарей знакомы нам по описанию знаменитых романистов. Но Шатобриан и Купер оба представили нам индийцев с их поэтической стороны и закрасили истину красками своего воображения. “Дикари, выставленные в романах, — пишет Вашингтон-Ирвинг, — так же похожи на настоящих дикарей, как идилические пастухи на пастухов обыкновенных”²⁹. Это самое подозревало читатели; и недоверчивость к словам заманчивых повествователей уменьшала удовольствие, доставляемое их блестящими произведениями» (Акад. Т. 12. С. 105).

«Удовольствие читателей», стало быть, прямо связывается с правдивостью документа — в данном случае с записками очевидца, которые в этом смысле заслуживают самой высокой оценки: «Они самый полный и, вероятно, последний документ бытия народа, коего скоро не останется и следов. Летописи племен безграмотных, они разливают истинный свет на то, что некоторые философы называют естественным

²⁸ Переключка эпилога к «Кавказскому пленнику» и рассуждения на ту же тему в «Джоне Теннере» отмечена: *Кимура Т.* Взгляд на «дикое» у Пушкина // Пушкин и мировая культура: Материалы Шестой международной Пушкинской конференции. Крым, май 2002. СПб.; Симферополь, 2003. С. 44.

²⁹ Данная цитата из «Поездки в прерии» В. Ирвинга была приведена в предисловии Блоссуиля к «Мемуарам Джона Теннера» — см. об этом: *Марьянов Б.* Об одном примечании к статье А. С. Пушкина «Джон Теннер» // РЛ. 1962. № 1. С. 64–68; А. Н. Николюкин заметил, что с этой мыслью Ирвинга русские читатели познакомились еще в 1835 г. в пространном пересказе той же «Поездки в прерии» (или «Поездки в луговые степи», как тогда переводили название книги), опубликованном в «Библиотеке для чтения» (1835. Т. 10. Отд. 2. С. 47) (*Николюкин А. Н.* Пушкинский «Джон Теннер» в системе русской американистики XVIII — начала XIX века // Болдинские чтения. Горький, 1984. С. 150).

состоянием человека; показания простодушные и бесстрастные, они наконец будут свидетельствовать перед светом о средствах, которые Американские Штаты употребляли в XIX столетии к распространению своего владычества и христианской цивилизации» (Акад. Т. 12. С. 105).

Принципиально важно подчеркнуть, что, сопоставляя литературных и реальных индейцев, Пушкин иначе, чем Блоссвиль, оценивает эпопею Шатобриана «Начезы» и романы Купера «Пионеры», «Последний из могикиан», «Прерия».

«Читая этот правдивый и скромный рассказ <Теннера>, — замечал французский переводчик, — трудно не восхититься от всей души гением г-на де Шатобриана и не полюбить еще сильнее остроумные выдумки Купера. В воспоминаниях этого невежественнейшего из людей <Теннера> нет ни одного сведения, ни одного замечания, которое не свидетельствовало бы о правдивости картин, начертанных первым из современных писателей, и сцен, столь мастерски воспроизведенных знаменитейшим из американских романистов»³⁰.

И французский, и американский писатели рисовали индейцев в высшей степени сочувственно, пытаясь донести до читателей поэтичность гордого народа, ревниво оберегающего свои естественные нравы (в сущности, та же тональность в описании черкесов была соблюдена и в пушкинском «Кавказском пленнике»). Не приводя многочисленных примеров на этот счет, упомянем лишь о речи вождя индейского племени пуани, воспроизведенной в романе Дж. Ф. Купера «Прерия»: «Он начал с упоминания о древности и славе народа Волков-пауни. Он говорил об их успехах на охоте и на тропе войны; говорил о том, как они издавна славятся умением отстоять свои права и покарать врагов. Сказав достаточно, чтобы выразить свое почтение к величию Волков и польстить самолюбию слушателей, он вдруг заговорил о народе, к которому принадлежали чужеземные гости. Его несчетное множество он уподобил стаям перелетных птиц в пору цветов и в пору листопада. С деликатностью, отличающей воина-индейца, он не позволил себе прямых указаний на алчность, проявляемую многими из бледнолицых в торговых сделках с краснокожими. Но, сознавая, что его племенам все сильней охватывает недоверие к белым, он попробовал умерить справедливое их озлобление косвенными извинениями. Он напомнил, что ведь и Волки-пауни не раз должны были изгнать из своих селений какого-нибудь недостойного соплеменника. Ваконда иногда отворачивает свое лицо от индейцев. Несомненно, и Великий Дух бледнолицых часто смотрит хмуро на своих детей. Тот, кто бывает

покинут на милость Вершителя зла, не может быть ни храбрым, ни доблестным, красна ли его кожа или бела...»³¹

Антагонистические отношения между аборигенами и пришельцами во многом подменены у Купера, как и у Шатобриана, романтическим конфликтом Добра и Зла. Пушкин же акцентирует безусловные свидетельства катастрофической *деградации* диких племен — в бесхитростных воспоминаниях Теннера.

«Придерживаясь традиционной квалификации типов рассказа, — считает Е. А. Мустафина, — рассказ о судьбе Джона Теннера можно определить как приключенческий. Пушкин с увлечением изображает основные события в жизни героя, но в подтексте чувствуется легкая усмешка автора. В судьбе Джона Теннера реализовалась мечта каждого просвещенного европейского юноши, ровесника Пушкина: полная опасностей жизнь в девственных лесах Америки среди «диких индейцев». Жаль только, что американец был неграмотным и не попытался создать республику с идеальным общественным устройством. Эта «усмешка» Пушкина выходит на поверхность в заключительном абзаце статьи»³².

Здесь верно почувствована остротенность автора в цитации фрагментов из воспоминаний Джона Теннера, но, по большей части, в его статье чувствуется не ирония, а скорее острое удивление по поводу суровых жизненных условий, которые привычно преодолевают индейцы. Конечно, образованный наблюдатель не может доверчиво относиться к суевериям героя, но ироническая интонация, если она изредка в пушкинской статье и появляется, — довольно сложного свойства: в повседневном быте дикого племени, по оценке Пушкина, «ужасное и смешное странным образом перемешаны между собою» (Акад. Т. 12. С. 117).

Документальная повесть Пушкина, преодолевая «сонную бессвязность и отсутствие мысли» в рассказах Теннера, содержит краткий очерк тридцатилетней жизни пленника среди индейцев. Впрочем, несколько фрагментов из его воспоминаний воспроизведены писателем полностью. В современных изданиях сочинений Пушкина эти эпизоды обычно печатаются петитом, хотя здесь был бы более уместен курсив. «Живые и грустные картины», наиболее его поразившие, суть следующие:

1. Похищение.
- 2—6. Охота.
- 7—9. Пьянство и ссоры.
10. Видение духов.

³¹ Купер Дж. Ф. Собр соч.: В 6 т. М., 1982. Т. 4. С. 391.

³² Мустафина Е. А. Образ Америки в русском литературном сознании. Новгород, 1998. С. 58.

³⁰ Mémoires de John Tanner, ou Trente années dans les deserts de l'Amérique du Nord. Paris, 1835. Т. 1. P. XXVIII.

11. Первая женитьба.
12. Рассказ индейца о нападении на семью Теннера.
13. Возвращение.

Пушкин верно замечает, что основное место в рассказах Теннера занимает «описание различных охот и приключений во время преследования зверей» (Акад. Т. 12. С. 112). Оказывается, это зачастую смертельно опасный труд. Но для индейцев охота является главным и самым престижным занятием, и понятно, почему «белый индеец» не упускает ни одного случая, чтобы не похвастаться своими охотничьими трофеями (возможно, невольно преувеличенными). Три следующих эпизода о безобразных индейских ссорах, вызванных привитым колонизаторами пьянством, снабжены пушкинским ироническим пояснением: «Оставляем читателю судить, какое улучшение в нравах дикарей приносит соприкосновение цивилизации!» (Акад. Т. 12. С. 115). Вместо обычных романтических историй о красочных войнах индейских племен Пушкин выбирает эпизод заурядной кражи героем лошади в соседнем племени. Станным, на первый взгляд, пробелом в рассказах Теннера, однако, остается почти полное отсутствие сколько-нибудь подробных и внятных сведений о религиозных верованиях и мифологических преданиях индейцев, которым он остался чужд. За тридцатилетнее пребывание в среде аборигенов он напитался только их суевериями. «Он иногда выдает себя за человека, недоступного предрассудкам; но поминутно обличает свое индийское суеверие», — отмечает Пушкин (Акад. Т. 12. С. 121) и выписывает лишь один, попавший в записки, рассказ о «поэтическом видении», озарившем героя, когда тот заночевал в заповедном месте (что само по себе для коренного индейца было бы невозможно): там, по местному преданию, произошло ужасное преступление (братоубийство)³³.

Внимательно изучая рассказы индейского пленника, переданные Э. Джемсом, Пушкин, вероятно, не мог не почувствовать, что, проведший тридцать лет среди индейцев и во многом уподобившийся им, дважды усыновленный индианками, Джон Теннер, однако, так и остался чужаком в их среде. Этим объяснялись и факты жестокости индейцев по отношению к приемышу в детстве, и постоянная вражда к нему сводного брата Уа-мен-гон-э-бью, и жестокое преследование одним из индейцев (в сговоре с женой Джона) во время возвращения героя к белым, и нежелание его взрослого сына последовать за отцом. Из-за

³³ Между прочим, пробел об индейских верованиях в воспоминаниях Теннера побудил Э. Джемса дополнить книгу специальным приложением (сохраненным во французском переводе) об индейских праздниках, о тотемах, об обрядах, сопровождаемых песнопениями и магическими рисунками. Надо ли говорить о том, насколько сам Пушкин был внимателен к подобным материалам. Недаром, готовя статью о покорении Камчатки русскими землепроходцами, Пушкин намеревался рассказать и о мифологических преданиях камчадалов.

этого Теннер испытывает некий «комплекс неполноценности», выражением которого является постоянное желание Джона вернуться к белым, что отмечено и в пушкинской повести: «Вопреки своей долговременной привычке и страстной любви к жизни охотничьей, жизни трудов, опасностей и восхищений непонятных и неизъяснимых, одичалый американец всегда помышлял о возвращении в недра семейства, от которого так долго был насильственно отторгнут» (Акад. Т. 12. С. 125).

Уже в начале своего повествования Теннер признавался: «Я уже пользовался тогда полной свободой, индейцы совсем за мной не следили, и мне было легко оставить их навсегда. Но я полагал, что отец и все мои родные убиты, и к тому же хорошо знал, какая жизнь, полная тяжелого труда и лишений, ждала меня у белых. Ведь у меня не было там ни друзей, ни денег, ни имущества, и я боялся ожидавшей меня крайней нищеты. Между тем я видел, что у индейцев все, кто был слишком молод и слаб, чтобы охотиться самостоятельно, всегда находили себе покровителей. К тому же индейцы стали относиться ко мне с большим уважением, считая как бы человеком своей расы³⁴. Поэтому я решил хотя бы на время остаться у них. Но я всегда надеялся, что когда-нибудь вернусь к белым и буду жить среди них»³⁵.

Красноречивая деталь: хотя герой, усыновленный индианкой (в девятилетнем возрасте) и упоминает свое индейское тотемное имя Шоушо-уа-не-ба-се (Сокол), он всегда твердо помнил свое прежнее имя, что позволило ему впоследствии разыскать своих родственников. Более того: как выясняется, и его индейские потомки постоянно носили фамилию Теннеров. Очевидно, именно так обычно звали своего пленника и индейцы.

Только после того, как Теннер узнал, что родные его живы, он покинул наконец дикое племя. Нельзя не заметить, что в его рассказе о возвращении в «лоно цивилизации» есть какая-то сбивчивость и недоговоренность, которые Пушкин по-своему истолкует в эпилоге. С одной стороны, Теннер описывает вроде бы радость многочисленных родственников при встрече с ним. Но в наивном перечислении денежных подарков от родственников (общей суммой в 500 долларов) просматривается скорее их желание откупиться от чужака. «Мой зять Иеремия Раккер, — сообщает Джон Теннер, — сделал попытку найти в завещании отца хоть какие-нибудь распоряжения в мою пользу. Мы отправились в Принстон, где зять представил меня судьям, но сделать ничего не удалось. Тогда жившая поблизости мачеха подарила мне 137 долларов»³⁶. «Следующей весной была сделана еще одна попытка

³⁴ Как показано выше, едва ли такое признание было полным.

³⁵ Рассказ о похищении и приключениях Джона Теннера... С. 73–74.

³⁶ Там же. С. 298.

добиться получения мною части отцовского наследства. Но мачеха продала на Кубу нескольких рабов-негров, которые, как полагали, должны были мне принадлежать. Это дело и теперь еще не закончено; им занимаются адвокаты»³⁷.

Недаром, очевидно, Джон Теннер в конце концов поселился вдали от своей родни, сделав несколько безуспешных попыток приспособиться к жизни белых. Скромное состояние его (то есть, надо понимать, прежде всего упомянутые выше 500 долларов) было конфисковано, чтобы покрыть расходы на содержание его детей, оставленных на попечение чужих людей. «Их положение, — сообщает в заключение Теннер, оставшийся изгоем и в среде белых, — требовало моего присутствия в Маккинаке, и я решил туда отправиться. Там полковник Бойд принял меня на работу в качестве индейского переводчика; эту должность я занимал до лета 1828 года, когда, недовольный плохим обращением, выехал из Маккинака в Нью-Йорк, чтобы договориться об издании истории моей жизни. <...> Трое моих детей все еще находятся среди северных индейцев. Как мне сообщили, обе дочери охотно приехали бы ко мне, если бы им удалось убежать. Старший сын любит охотничий образ жизни, к которому издавна привык. У меня есть кое-какие основания надеяться, что я смогу предпринять новую попытку вернуть своих дочерей»³⁸.

Вот по этим сбивчивым сведениям Пушкин саркастически воссоздает возможную судьбу возвратившегося в родную среду индейского пленника: «Ныне Джон Теннер живет между образованными своими соотечественниками. Он в тягбе с своею мачехою о нескольких неграх, оставленных ему по наследству. Он очень выгодно продал свои любопытные “Записки” и на днях будет, вероятно, членом *Общества Воздержности*³⁹. Словом, есть надежда, что Теннер со временем сделается настоящим yankee⁴⁰, с чем и поздравляем его от искреннего сердца» (Акад. Т. 12. С. 132).

³⁷ Рассказ о похищении и приключениях Джона Теннера... С. 307.

³⁸ Там же. С. 327. В одной из индейских резерваций на севере Миннесоты в 1947 г. немецкие ученые Ева и Юлиус Липс познакомились с Эдуардом Теннером, потомком того сына Джона Теннера, который предпочел остаться с индейцами. «Эдуард Теннер живет собиранием дикого риса. Он ничего не знает о Джоне Теннере и, как пишет Ева Липс, смеется над тем, что его предок оказался столь безрассудным, “чтобы написать для белых книгу”» (Аверкиева Ю. П. Предисловие к русскому изданию / Рассказ о похищении и приключениях Джона Теннера... С. 22).

³⁹ «Общество, коего цель — истребление пьянства. Члены обязываются не употреблять и не покупать никаких крепких напитков» (Примеч. Пушкина). Об этом обществе — в качестве разительной черты повседневной политической суматохи американских граждан — упоминал Токвиль (см.: Токвиль А. де. Демократия в Америке. С. 191).

⁴⁰ «Прозвище, данное американцам, смысл его нам неизвестен» (Примеч. Пушкина).

Такая характеристика перекликается с пушкинским введением к документальной повести об индейском пленнике⁴¹. Если вначале дана обобщенная оценка «демократии в ее отвратительном цинизме», то в итоге воссоздается индивидуальная судьба обывателя, устремленного лишь к прагматическому комфорту⁴². И в раме авторских обобщений картина жизни индейского пленника становится особенно выразительной — в качестве художественного документа, свидетельствующего о жестоких путях так называемого исторического прогресса.

Следует особо подчеркнуть актуальный смысл пушкинского произведения; содержание которого отнюдь не исчерпывается экзотической картиной заокеанских нравов. Недаром Пушкин, прочитав чаадаевское «Философическое письмо», вспомнил о Токвиле. В чаадаевской ориентации для России на западный путь исторического развития⁴³ Пушкину видится отзвук пугающего историософского пророчества, изложенного в книге «Демократия в Америке»⁴⁴:

«Этот уравнительный процесс сближает народы. Еще в большей степени он противостоит размежеваниям внутри одного народа.

Наступит день, когда в Северной Америке будет жить сто пятьдесят миллионов человек, равных между собой, принадлежащих к одному народу, имеющих равные возможности, одинаковый уровень культуры, говорящих на одном языке, исповедующих одну религию, имеющих одинаковые привычки и нравы. Им будет присуще единое восприятие вещей и единый образ мысли. Во всем остальном можно усомниться,

⁴¹ Это отмечено Дж. Т. Шоу: Шоу Дж. Т. Пушкин об Америке: Статья «Джон Теннер». С. 302.

⁴² На самом деле — но это Пушкину осталось неизвестным — Джон Теннер так и не смог приспособиться к миру белых. «Последние годы своей жизни Теннер провел в жалкой лачуге на далекой окраине Со-Сент-Мари, в полном одиночестве и невероятной нищете. — Бедствия, испытанные им среди индейцев, меркли в сравнении с той глубиной деградации, которая постигла его в “цивилизованном” мире. Недаром один из его современников, имея в виду этот период жизни Теннера, сказал, что “последние дни были худшими днями в его жизни”. — В 1846 г. старый Теннер был убит и сожжен с его хижинкой одним из тех людей, о которых Джемс писал, что они “утратили чувство элементарной честности”. Трагичность судьбы Теннера заключалась в том, что он оказался где-то между двумя мирами. Он ушел от индейцев, но, живя среди белых, оставался индейцем по своему мировоззрению» (Аверкиева Ю. П. Предисловие к русскому изданию. С. 21–22; со ссылкой на кн.: Walter O'Meara. The Last Portage. Boston, 1962).

⁴³ Религиозная составляющая этой концепции Пушкину вовсе не кажется главной — ср. его замечание в черновом варианте письма к Чаадаеву от 19 октября 1836 г.: «Религия чужда нашим мыслям и привычкам, к счастью, но не следовало этого говорить» (Акад. Т. 16. С. 261, 422; оригинал по-франц.).

⁴⁴ Оно частично было процитировано в «Хронике русского» А. И. Тургенева, напечатанной в первом томе «Современника» (с. 274).

но это — несомненно. И это нечто совершенно новое в мире, нечто такое, значение чего не укладывается даже в воображении.

В настоящее время в мире существуют два великих народа, которые, несмотря на все свои различия, движутся, как представляется, к единой цели. Это русские и англоамериканцы.

Оба этих народа появились на сцене неожиданно. Долгое время их никто не замечал, а затем они сразу вышли на первое место среди народов, и мир почти одновременно узнал и об их существовании, и об их силе.

Все остальные народы, по-видимому, уже достигли пределов своего количественного роста, им остается лишь сохранять имеющееся; эти же постоянно растут. Развитие остальных народов уже остановилось или требует бесчисленных усилий, они же легко и быстро идут вперед, к пока еще неизвестной цели.

Американцы преодолевают природные препятствия, русские сражаются с людьми. Первые противостоят пустыне и варварству, вторые — хорошо вооруженным развитым народам. Американцы одерживают победы с помощью плуга земледельца, а русские — солдатским штыком.

В Америке для достижения целей полагаются на личный интерес и дают полный простор силе и разуму человека.

Что касается России, то можно сказать, что там вся сила общества сосредоточена в руках одного человека.

В Америке в основе деятельности лежит свобода, в России — рабство.

У них разные истоки и разные пути, но очень возможно, что Провидение втайне уготовило каждой из них стать хозяйкой половины мира»⁴⁵.

Итак, французский социолог намечал две альтернативные исторические перспективы для человечества: уравнительную демократию и абсолютную деспотию. Нетрудно было представить, какому из этих путей окажет предпочтение европейский читатель: мол, у демократии есть свои изъяны, но... Россия выступала обычным для европейского либерала пугалом, о чем еще в 1831 г. Пушкин писал: «О чем шумите вы, народные витии? / Зачем анафемой грозите вы России?» (Акад. Т. 3. С. 269).

А первым откликом Пушкина на трактат Токвиля стало стихотворение «(Из Пиндемонта)» («Не дорого ценю я громкие права...»), написанное 5 июля⁴⁶. В черновом варианте стихотворение начиналось:

⁴⁵ Токвиль А. де. Демократия в Америке. С. 295—296.

⁴⁶ В автографе стихотворения дата, записанная по-французски, допускает двойное чтение: «5 июня» или «5 июля». Но именно явственная переключка стихотворения с книгой Токвиля, приобретенной поэтом 2 июля, позволяет предпочесть второй вариант данной пометы.

«При звучных именах Равенства и Свободы, / Как будто опьянев, беснуются народы» (Акад. Т. 3. С. 1029)⁴⁷. Размышления же о российском варианте «искоренения дикости» были продолжены в работе последних дней поэта, намеревающегося написать новую документальную повесть на основе материалов «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова.

В заключение отметим, что поиски Пушкина в жанрах документальной прозы не только открывают принципиально важную и по сию пору мало исследованную перспективу его творческой эволюции, но и являются предвестьем художественных откровений новейшего времени. Может быть, яснее всего на этот счет высказался автор «Колымских рассказов» В. Т. Шаламов:

«История русской прозы XIX века мне представляется постепенной утратой пушкинского начала, потерей тех высот литературных, на которых находился Пушкин. Пушкинская формула была заменена описательным нравоучительным романом, смерть которого мы наблюдаем в наши дни. <...>

Характеры, развитие характеров. Эти принципы давно подвергаются сомнению. Проза Белого, Ремизова была восстанием против толстовских канонов. Но нужно было пройти войнам и революциям, Хиросиме и концлагерям немецким и советским, чтобы стало ясно, что самая мысль о выдуманных людях раздражает любого читателя. Только правда, ничего кроме правды. Документ становится во главу угла искусства. Даже современного театра нет без документа. Эта проза — в своей лаконичности, жесткости тона, отбрасывания всех и всяческих побрякушек есть возвращение через сто лет к Пушкинскому знамени. Обогащенная опытом Хиросимы, Освенцима и Колымы, русская проза возвращает к пушкинским заветам, об утрате которых с такой тревогой говорил в свое время Достоевский.

Свою собственную прозу я считаю поисками, попытками именно в этом пушкинском направлении»⁴⁸.

⁴⁷ Отмечено С. С. Давыдовым, см.: Давыдов С. С. Последний лирический цикл Пушкина // РЛ. 1999. № 2. С. 101.

⁴⁸ Михайлов О. В кругу последнем // Вехи (субботнее прилож. к газете «Российские вести»). 1993. Вып. 25, октябрь. С. 2 (письмо В. Шаламова к автору статьи).